

DOI 10.35775/PSI.2025.115.3.033

УДК 32

А.Л. СТАЛЬНОЙ

аспирант факультета политологии

Московского государственного университета

им. М.В. Ломоносова, Россия, г. Москва

E-mail: stalnojaleksej@yandex.ru

«РАЗЪЕДИНЕННОЕ ЕДИНСТВО»: ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРИЧИНЫ НЕЗАВЕРШЕННОГО ОБЪЕДИНЕНИЯ ГЕРМАНИИ 1990 Г.

Формальное политическое объединение Германии в 1990 г. не привело к интеграции восточных земель в политико-экономическую систему ФРГ. В статье автор выявляет причины неудавшегося процесса объединения через анализ экономических диспропорций, культурного отчуждения и конфликта идентичностей. Используя историко-институциональный подход и концепцию гистерезиса, автор показывает, как резкая трансформация восточногерманских институтов привела к долгосрочному неравенству: разрыву в уровне жизни, массовой деиндустриализации и миграции квалифицированных кадров. Культурный аспект раскрывается через феномен «остальгии» – идеализации прошлого опыта по имевшимся в прошлом социальным гарантиям, усугубленной критическим отношением западных немцев к опыту ГДР и ее жителей. Политическое измерение проблемы проявляется в тренде на электоральную поддержку правых партий («Альтернатива для Германии») как реакции на «колонизацию» востока. Вывод работы указывает на необходимость синтеза двух моделей идентичности вместо механического переноса западных институтов, что остается ключевым вызовом для современной Германии.

Ключевые слова: объединение Германии, ФРГ, ГДР, национальная идентичность, институциональная колея, культурный шок, остальгия, Альтернатива для Германии, историческая травма

Введение. В 1990-х произошло окончательное формирование современной Германии – страны, во многом являющейся системообразующей для всего общеевропейского политического конструкта. События тех лет не только определили экономическое и политическое развитие Германии и Европы, но и во многом повлияли на национальную идентичность современных немцев. Данный опыт объединения ценностно разрозненной страны может быть крайне полезен для политических исследований, поднимающих вопросы национальной идентичности и социальной архитектуры. В особенности для нас немаловажно то, что Россия в тот же период пережила такую же глобальную перестройку – отказ от коммунистического пути развития, переоценка идеологических установок, поиск новой идентичности и общих ценностей новообразованного государства.

Мирное и ненасильственное объединение Германии под началом ФРГ воспринималось как безусловная победа политики г. Коля (канцлер ФРГ с 1982 по 1998 гг.) и шаг навстречу светлому будущему запада и востока. Однако на практике для многих восточных немцев период переустройства стал периодом культурного шока. Некоторые исследователи назвали данное состояние «остальгией» [1]. Оно описывает желание бывших жителей ГДР вернуться в прошлое, к знакомой повседневной действительности. Недовольство жителей востока Германии реконфигурированной системой стало типичным синдромом немецкой публичной политики. В частности, на последних выборах в Бундестаг данное недовольство уже в некотором смысле традиционно вылилось в активную поддержку правой партии «Альтернатива для Германии» (далее – АдГ) в Тюрингии, Саксонии и Бранденбурге, где она набрала от 29 до 30% голосов [9]. По результатам некоторых исследований, АдГ в своей кампании активно использовала ностальгические нарративы, связывая прошлое с безопасностью и предсказуемостью и противопоставляя его нынешней внутренней и внешней политической турбулентности [12].

Следует заметить, что за время двугосударственности в немецких государственных образованиях сложились настолько разные экономические, политические и культурные условия, что для преодоления барьеров в интеграции восточных земель в ФРГ лишь институциональных усилий оказалось недостаточно. Итогом политики, не принимавшей во внимание социальные корни происходящих процессов объединения, является недовольство жителей бывшей ГДР, которое конвертируется в «протестное» электоральное поведение, обостряющееся в период структурных трансформаций в стране.

Причины проблем с интеграцией восточногерманских земель в ФРГ имеют экономическую, социальную и культурную плоскости. Для выявления факторов, влияющих на формирование современной идентичности запада и востока Германии, используется историко-институциональный анализ. В рамках данного анализа особое внимание уделяется идеям и концепциям, доминирующим в немецком обществе в период объединения. Данный подход к анализу приближает нас к позициям эволюционного институционализма, а именно к понятию «гистерезиса» – неоптимальности состояния текущей институциональной системы из-за событий в прошлом [5].

Экономический и социальный контексты объединения. Хотя официальные лица немецкой публичной политики отмечают постепенное улучшение экономических и социальных условий в «новых землях» ФРГ, правительство все еще не может справиться с дисбалансом уровня жизни по отношению к западным регионам. В частности, на это указывают некоторые экономические показатели, которые ежегодно публикуются в докладе Уполномоченного федеральным правительством по делам восточных земель. Так, по последним опубликованным данным (за 2023 год), уровень безработицы в восточной части Германии (Бранденбург, Мекленбург, Саксония, Саксония – Анхальт, Тюрингия), составляет

6,7% против 5% в западной Германии. ВВП на душу населения в соответствующих ценах на востоке составляет € 37,7 тыс. против € 48 тыс. в «старых землях» [8].

Подобное отставание, спустя 35 лет после объединения, является следствием не только плановой экономики коммунистического режима, но и связано с особенностями распределения экономического наследства ГДР в период государственной перестройки. Исследователи Н. Нивен и Я. Томанек отмечают глубокое неравенство между восточными и западными немцами во время процесса объединения. Во-первых, произошло радикальное переустройство институтов, которое предполагало разрушение действующих на протяжении нескольких десятилетий социальных и экономических систем ГДР. Жителям восточной Германии пришлось на ходу перестраивать свой привычный жизненный уклад, что затруднило их плавную интеграцию в новое общество. Во-вторых, восточные немцы очень ограниченно участвовали в распределении экономических благ, доставшихся в наследство от социалистической страны. По некоторым подсчетам, жителям восточной Германии досталась лишь шестая часть промышленных мощностей бывшей ГДР. В-третьих, можно сказать, что жители бывшей ГДР не совершали осознанный конституционный выбор, а были лишь поставлены перед фактом объединения республик под флагом ФРГ [13. С. 76-79].

Неравное распределение экономических благ и отсутствие опыта использования привычных для запада Германии институтов привели к массовой потере рабочих мест в основных сферах экономического хозяйства. Социальные гарантии и система постоянной занятости, являющиеся неотъемлемой частью системы ГДР, уступили место капиталистической экономике с жестким западным промышленным конкурентом – многие промышленные предприятия ГДР оказались к этому не готовы [15. С. 522]. Размежевание наблюдалось даже среди тех жителей ГДР, у которых получилось найти работу в «новом мире». Так, в среде восточных немцев отмечалось значительное отставание зарплат и условий труда по сравнению с их западными коллегами. Дополнительно масло в огонь подлила программа специальных выплат для жителей западной Германии, готовых работать в восточных регионах. Данная программа вызвала сильный общественный резонанс и способствовала уничижительной характеристике восточной Германии, как отсталого и непригодного для жизни региона [3. С. 328-329]. Можно отметить и массовую миграцию наиболее квалифицированной части молодых жителей востока в западные регионы в поисках лучшей жизни и новых возможностей. В целом, такая тенденция была характерна не только для восточных регионов Германии, но и для всех посткоммунистических стран Европы [16. С. 34-35].

Необходимо признать, что многие восточные немцы верили, что быстро достигнут общих с западной Германией стандартов жизни, однако на практике для реализации экономических изменений требуется значительное время. В итоге неравенство в экономике продолжает отражаться спустя 35 лет после начала процесса реформ и способствует росту популярности правых партий,

предлагающих протекционизм, социальные гарантии и экономический суверенитет [16. С. 35].

Политические особенности конструирования новой национальной идентичности в Германии. В политическом и культурном контекстах после объединения Германии встал вопрос о новой национальной идентичности. Западные немцы были уверены в победе своих ценностей и не видели смысла в их пересмотре и выработке общей идентичности с восточными соседями. Важно отметить, что, хотя, жители запада в целом позитивно относились к контактам с немцами из ГДР, их личный опыт общения и знакомства с укладом жизни на востоке были сильно ограничены. По данным проводившихся в 1987 г. исследований, лишь 36% жителей ФРГ заявили, что имели контакты с восточной частью Германии хотя бы один раз с 1967 г. [6. С. 202]. В подавляющем большинстве данные респонденты имели в ГДР близких родственников. Для остальной же части ФРГ их восточный сосед оставался иной, совершенно непонятной и незнакомой страной [11. С. 84]. Отсутствие информации и неприемлемость социалистических ценностей привели к появлению определенных стереотипов по отношению к ГДР, о которых, например, упоминают исследователи Дж. Грикс и П. Кук. Так, считалось, что в ГДР полностью нивелировалась личностная свобода в качестве первоочередной ценности, а экономика ГДР связывалась с понятием «дефицит». С другой стороны, западные немцы, наоборот, находили сходства со своими соседями в научной сфере, сфере молодежной политики и в развитии спорта, где ГДР в то время считалась одним из мировых лидеров. Однако, следует отметить, что общепризнанные достижения ГДР в данных отраслях не спасли превалирующие в них институты и социальные системы от пересмотра и дальнейшего переустройства. Например, университетам восточной Германии пришлось пройти переаттестацию, проводившуюся Научным советом ФРГ. По её итогам многие учебные учреждения были либо признаны несостоятельными, либо были реорганизованы. Особенно из-за реформы пострадали гуманитарные направления, где часть преподавателей просто лишилась работы. В дальнейшем это стало одним из факторов разных подходов к политике памяти и восприятию прошлого в восточной и западной частях Германии [7. С. 38-41].

Широкое культурное размежевание, отсутствие интенсивных контактов между западом и востоком, непримиримость по отношению к иному укладу жизни со стороны западных немцев углубили социальную разобщенность в обществе «новой» Германии. Фактически, именно жителям ГДР предстояло научиться жить по «западному образцу», что породило впоследствии «культурный шок», чувство (н)остальгии и противопоставление жителей бывшей ГДР сложившейся политической и социальной системе.

Конец 1980-х гг. ознаменовался мирной революцией в ГДР, в период которой произошёл постепенный отказ от классовой теории как основы «нациестроительства», а особенно громко зазвучал лозунг «Wir sind ein Volk!» («Мы – один народ!»). Однако эйфория от процесса реинтеграции очень быстро сошла на нет из-за значительного расхождения социальной действительности с ожиданиями

и ценностными установками, доминирующими среди жителей ГДР. Кроме того, с самого начала объединительного процесса из-за отголосков жесткого идеологического противостояния отсутствовали какие-либо общие символы и основания, на которые могла бы опереться новая общегерманская идентичность [7. С. 71-74]. «Ossi-Wessi Syndrom» привел к парадоксальному размежеванию нации в противовес происходящему объединению и отчуждению от социальной и культурной жизни значительной части немецкого общества [10. С. 15-21]. Иногда подобная проблема выражалась достаточно оригинальным образом – так, опрос, проведенный в 2009 г., показал, что около 30% жителей Германии считает необходимым восстановить берлинскую стену [10. С. 73]. В то же время, несмотря на очевидные противоречия, дискурс по поводу национальной идентичности оставался практически неизменным. В нем превалировали модели, предложенные в так называемом «споре историков». Первую сторону «позитивного национализма» представляли популярные в Германии писатели и литературоведы, среди которых можно выделить К.-Х. Борера, М. Вальзера, Б. Штрауса [4. С. 94]. В рамках данной линии акцент был сделан на культуре, традиции и идентичности ФРГ. Был выдвинут тезис о «колонизации сознания» немцев шокирующими историческими событиями собственной истории XX в. В рамках данного тезиса упомянутые публичные интеллектуалы противопоставляли себя леволиберальному направлению во главе с Ю. Хабермасом, делавшим акцент на консолидации и «конституционном патриотизме». В частности, Хабермас утверждал, что глубокие исторические ошибки – национал-социализм и Холокост, – не оставляют права на преемственность немецкой идентичности. Путем же новой немецкой нации должны стать некие универсальные гуманистические и политические формы, ценности и принципы [4. С. 94-95].

Смыслы «позитивного национализма», то есть восприятия немецкой истории, традиций и идентичности в позитивном ключе, часто находили отклик в сердцах жителей востока, которые не принимали некоторые события в качестве «значимого прошлого», а следовательно, не имели комплекса вины, характерного некоторых сегментов западногерманского общества. Наоборот, в национализме выходцы из ГДР находили поддержку и защиту от относительной депривации и травмирующего опыта объединения двух Германий [4. С. 95-97].

Ещё одна проблема политической интеграции лежала в рамках дискуссии о «второй немецкой диктатуре», или «диктатуре Социалистической единой партии Германии» (далее – СЕПГ). Так, в среде западной интеллигенции режим А. Гитлера и режим СЕПГ, установившийся в ГДР, фактически отождествлялись [2]. Следствием данного стереотипа стали жесткие требования к бывшей восточногерманской элите и обычным служащим ГДР в области формирующегося нового переходного правосудия. Данные требования включали раскрытие государственных архивов, реструктуризацию и ограничения бюрократического аппарата, расследование преступлений, совершенных СЕПГ. Можно сказать, что в ходе интеграционного процесса жители бывшей ГДР столкнулись с «двойным преодолением

прошлого» (прошлого нацистской Германии и восточногерманского режима СЕПГ), что усложнило адаптацию к новым социальным условиям.

Политические и культурные процессы, определяющие идентичность Германии 1990-х гг., очень ярко иллюстрируют теорию, выдвинутую социологом Г. Тэджфэлом и основанную на социальной категоризации и сравнении «значимого себя» и «значимого другого». Идентичность, в соответствии с подходом Г. Тэджфэла, представляет из себя сумму ориентаций в социальном пространстве, включающую взгляд на общее прошлое, настоящее и желаемое будущее [11. С. 105]. Немецкая идентичность также состоит из данных измерений и характеризуется разобщенностью прошлого, неоднозначного опыта объединения в настоящем и проистекающими из него разными взглядами на будущее. Данные линии стали ключевыми для современных политических элит ФРГ в части национальной объединительной политики.

Закключение. Травматический опыт объединения Германии проистекает из недостаточного внимания действующих тогда политиков и самого западногерманского общества к социальному контексту перемен в восточных землях, из экономических проблем и отсутствия попыток переосмыслить собственные ценности и выработать новую общую идентичность. В ходе изменений многие жители бывшей ГДР оказались в неравном положении по отношению к западным немцам и столкнулись с трудностями в экономике (закрытие промышленных предприятий, потеря рабочих мест, низкие заработные платы), социальной сфере (переустройство или упразднение привычной системы образования и социальных гарантий, перестройка ценностей) и политической сфере (изменение системы правосудия, лишение возможности конституционного выбора пути развития, непримиримость и радикальная критичность по отношению к социалистическому периоду истории Германии). Кроме того, оказалось, что между западом и востоком Германии значительно различается кластер представлений и убеждений, формирующих общую национально-государственную идентичность: западные и восточные немцы по-разному воспринимали коллективное «мы», неодинаково интерпретировали прошлое и представляли себе будущее единой Германии.

После «культурного шока» восточные немцы чувствовали социальную неудовлетворенность и необходимость в ценностных ориентирах, которые позволили бы им смириться с потерей привычного образа жизни. Частичное утешение было найдено в модели «позитивного национализма», а неизбежное утверждение «я – немец» стало естественной защитной реакцией бывших жителей ГДР. Уже в современности неудовлетворенность действующей элитой и социальной системой и подъем крайне правых настроений находят отражение в электоральном поведении, а также в культурных проявлениях (в рамках потребительского поведения, в кинематографе, в местах памяти, посвященных ГДР). Подобные проявления «остальгии» особенно обостряются в период кризисов. Ярким примером здесь могут послужить миграционные процессы, поскольку именно на базе антиэмиграционных настроений и недовольства политикой

мультикультурализма была образована АдГ, получившая широкую популярность в восточных регионах.

Можно утверждать, что, в первую очередь, ценностное объединение западных и восточных регионов и формирование общей идентичности остается актуальным вызовом для немецкой политики. Решение данной проблемы эксперты видят в увеличении инвестиций в экономику восточных регионов, в переработке действующих политических программ под нужды восточной Германии и в постепенной смене поколений [16. С. 39-42].

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. **Абэ Т.** Осталгия: опыт восточных немцев после объединения Германии / пер. с нем. М. Голубовской. М.: Мысль, 2017.
2. **Борозняк А.И.** ФРГ: волны исторической памяти // Неприкосновенный запас. 2005. Т. 2. № 2-3 // <https://magazines.gorky.media/nz/2005/2/frg-volny-istoricheskoy-pamyati.html>.
3. **Грэй К.** Германия. Полная история страны. М.: Издательство АСТ, 2021.
4. **Коротецкая Л.В.** Особенности интеллектуального патриотического дискурса в Германии 1990-х годов // Полис. 2012. № 1.
5. **Норт Д.** Институты, институциональные изменения и функционирование экономики. М.: Фонд экономической книги «Начало», 1997.
6. **Петелин Б.В.** Гельмут Коль: быть немцем. Страницы биографии. СПб.: Владимир Даль, 2021.
7. **Юрин А.Н.** Понятие «нация» в социокультурных исследованиях современной Германии: дис. ... канд. культ. наук. Москва, 2020.
8. Bericht der Bundesregierung zum Stand der Deutschen Einheit 2023 // <https://www.publikationen-bundesregierung.de/pp-de/publikationssuche/deutsche-einheit-2023-2226088>.
9. Die Bundeswahlleiterin. Bundestagswahl 2025 // <https://www.bundeswahlleiterin.de/bundestagswahlen/2025/ergebnisse/bund-99.html>.
10. **Greiffenhagen M., Greiffenhagen S.** Zwei politische Kulturen? // Deutschland Ost-Deutschland West. VS Verlag für Sozialwissenschaften, 2002.
11. **Grix J., Cooke P.** East German Distinctiveness in a Unified Germany // Bloomsbury Publishing, 2002.
12. **Menke M., Wulf T.** The Dark Side of Inspirational Pasts: An Investigation of Nostalgia in Right-Wing Populist Communication // Media and Communication. 2021. Т. 9. № 2.
13. **Niven B., Thomaneck J.K.A.** Dividing and Uniting Germany. London: Routledge, 2002.
14. **Von Beyme K.** Das politische System der Bundesrepublik Deutschland: Eine Einführung. 11., vollständig überarbeitete Auflage. Wiesbaden: VS Verlag, 2010.
15. **Wehling H.G.** Deutschland Ost-Deutschland West. VS Verlag für Sozialwissenschaften. 2002.

16. **Youvan D.C.** From Reunification to Populism: Understanding East Germany's Political Shift. Berlin: Springer, 2025.

A.L. STALNOY

Graduate student, Faculty of Political Science,
Lomonosov Moscow State University,
Moscow, Russia

«DISUNITED UNITY»: POLITICAL CAUSES OF GERMANY'S INCOMPLETE REUNIFICATION IN 1990

Germany's formal political reunification in 1990 failed to achieve genuine integration of the eastern Länder into the FRG's politico-economic system. This study examines the causes of this incomplete unification through analysis of economic disparities, cultural alienation, and identity conflicts. Employing a historical-institutional approach and the concept of hysteresis, the author demonstrates how the abrupt transformation of East German institutions resulted in lasting inequalities: significant gaps in living standards, mass deindustrialization, and brain drain to western regions. The cultural dimension is explored through the phenomenon of «Ostalgie» – the nostalgic idealization of the GDR's social safety nets, exacerbated by West Germans' critical attitudes toward East German experience and citizens. The political manifestation of these tensions is evident in the growing electoral support for right-wing parties as a reaction to the perceived «colonization» of the east. The study concludes that a synthesis of both identity models is required, rather than a mechanical transplantation of western institutions, representing a persistent challenge for contemporary Germany.

Key words: German reunification, FRG (West Germany), GDR (East Germany), national identity, institutional path dependence, culture shock, Ostalgie, Alternative for Germany, historical trauma.